

РОЛЬ ПРИРОДЫ КАК СИМВОЛИЧЕСКОГО ФОНА В РОМАНЕ М. А. ШОЛОХОВА «ТИХИЙ ДОН»

Негматова Навруза Нодировна

*ассистент кафедры русского языка и литературы Самаркандского
государственного педагогического института*

Email: newday.n.n6336@gmail.com

Аббосова Паризод Латиф кизи

*студентка Самаркандского государственного
педагогического института*

Email: abbosovaparizod@gmail.com

Аннотация: В статье рассматривается роль природы как символического фона в романе М. А. Шолохова «Тихий Дон». Природа в произведении выступает не только как фон для событий, но и как активный участник, отражающий внутренние переживания героев и социальные изменения в обществе. Автор анализирует, как природные элементы, такие как река Дон, степь и времена года, помогают передать атмосферу эпохи, а также служат символами жизни, смерти и перемен. Исследование показывает, что природа в «Тихом Доне» становится важным средством для выражения авторской идеи и создания эмоционального отклика у читателя.

Ключевые слова: Шолохов, Тихий Дон, природа, символизм, социальные изменения, река Дон.

Введение.

Роман-эпопея Михаила Шолохова «Тихий Дон» - это произведение, в котором природа перестает быть просто декорацией или местом действия. Она становится полноправным действующим лицом, философским мерилom и онтологической основой бытия. Натурфилософия Шолохова глубоко уходит корнями в традиции русского классического реализма и народного эпоса, напоминая по своей мощи «Слово о полку Игореве». В мире Шолохова человек не отделен от природы; он - ее часть, и его судьба резонирует с движениями речных вод и шелестом степных трав. Центральным символом романа является река Дон. Название произведения уже задает основной смысловой вектор: эпитет «тихий» в начале романа символизирует мирный, вековой уклад казачьей жизни, гармонию человека и земли. Для казаков Дон - это «Батюшка», сакральное пространство, колыбель и кормилец. В первых книгах река описана с чувственной полнотой: блеск чешуи пойманного чебака, запах

тины, утренние туманы. В этих сценах природа легитимизирует традицию: пока течет Дон, стоит и казачество.

Однако с началом Гражданской войны символика реки трагически трансформируется. «Тихий» Дон становится немым свидетелем братоубийства. Шолохов фиксирует страшную инверсию: река-кормилец превращается в реку-могильщика. Она несет в своих водах трупы братьев и врагов, становясь символом исторического разлома. Река в условиях войны - это и граница, разделяющая «своих» и «чужих», и равнодушная стихия, которая смывает следы человеческих преступлений. Здесь проявляется антивоенный пафос автора: природа вечна, а человеческая резня - это безумная вспышка, оскверняющая святыню родной реки. Если Дон - это вертикаль судьбы, то степь - это горизонталь свободы. Степной пейзаж в «Тихом Доне» наделен эпической широтой. Шолохов использует уникальную сенсорную палитру для описания степи: «лазорева цвет» весенних тюльпанов сменяется «полынной горечью» выжженных просторов.

Символика полыни в романе имеет ключевое значение. Полынь - это запах неприкаянности Григория Мелехова. Эта горькая трава становится метафорой его судьбы: как бы он ни стремился к миру, горечь утрат преследует его повсюду. Степь в романе также выступает как пространство труда. Шолохов с глубокой болью описывает «сиротство» заброшенной пашни во время войны. Когда земля зарастает бурьяном вместо хлеба, природа выступает в роли обвинителя. Это свидетельство деградации человеческого духа, отказавшегося от созидания ради разрушения. Шолохов виртуозно использует прием психологического параллелизма. Природа в романе всегда «чувствует» состояние героев. Особенно ярко это проявляется в судьбе Григория и Аксиньи. Их любовь описывается через буйство природных сил: грозы, ливни, зной. Внутренний раскол Григория - его метания между правдами, его усталость от крови - зеркально отражается в пейзаже. Когда в душе героя наступает опустошение, небо над ним становится «безучастным», а степь - «мертвой». Один из самых сильных образов - «Черное солнце». В финале романа, когда Григорий хоронит Аксинью, единственную нить, связывавшую его с жизнью, мир в его глазах теряет свои краски. «Черное солнце» - это символ окончательного духовного апокалипсиса героя. Это оксюморон, означающий, что жизнь (солнце) превратилась в смерть (чернота). Для Григория мир перестал существовать в привычных координатах; его личный космос разрушен, и природа фиксирует это состояние абсолютной пустоты.

Природа в «Тихом Доне» обладает высшим этическим авторитетом.

Она индифферентна к идеологиям «красных» или «белых», но она чутка к нарушениям законов жизни. Шолохов часто противопоставляет мелочность человеческих амбиций величию природы. Пока люди убивают друг друга в пылу классовой борьбы, «высокое небо» над ними остается величественно спокойным. Этот контраст подчеркивает нелепость и жестокость войны. Природа также выступает как хранительница памяти. Она помнит предков, она принимает в себя прах павших, и она же возрождается каждую весну, напоминая о вечности жизни. Финальная встреча Григория с сыном на фоне пробуждающейся земли - это слабый, но пронзительный луч надежды. Шолохов утверждает: несмотря на то, что жизнь одного поколения была выжжена войной, природа продолжит свой цикл, и жизнь восторжествует через детей, через новую пашню, через вечное течение Дона. Стихийные явления в романе - метели, пожары, разливы - часто предвещают социальные сдвиги. Шолохов одухотворяет природу (антропоморфизм): степь у него «дышит», травы «плачут», Дон «гневается». Это подчеркивает мифологическую глубину текста. Человек в «Тихом Доне» не является хозяином природы; он - ее дитя, часто непослушное и жестокое, но неизбежно возвращающееся в ее лоно. Трагедия казачества в романе - это трагедия отрыва от природы, от земли и ее естественных законов.

Роль природы в «Тихом Доне» многогранна. Она служит:

1. Символическим фоном, подчеркивающим масштаб исторических событий.
2. Психологическим инструментом, раскрывающим внутренние бури героев.
3. Философским мерилom, обличающим противоестественность войны.
4. Символом вечности, дарующим надежду на возрождение жизни после катастрофы. Михаил Шолохов создал уникальный художественный мир, в котором пейзаж пропитан кровью и потом, любовью и страданием. Природа в его эпосе — это голос совести и памяти народа. «Тихий Дон» остается величайшим произведением о том, как человек теряет и вновь обретает себя через связь с родной землей, которая, несмотря на все ужасы человеческой истории, продолжает свое великое, тихое и вечное движение.

Заключение.

Природа в романе М. А. Шолохова «Тихий Дон» выступает не просто декорацией, а активным действующим лицом и нравственным мерилom истории. Через мастерское использование психологического параллелизма автор раскрывает внутренний мир Григория Мелехова, где

природные стихии резонируют с его душевными потрясениями. Река Дон символизирует незыблемость народного уклада, а трагические образы, такие как «черное солнце» и заброшенные пашни, обличают античеловеческую сущность войны. Природа в эпопее олицетворяет высшую справедливость и вечное обновление жизни, противопоставленное мимолетности кровавых распрей. В конечном итоге, именно через связь с родной землей герои обретают истинный масштаб своей трагедии и надежду на возрождение.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Бирюков, Ф. Г. (1989). Художественные открытия Михаила Шолохова: Очерки о поэтике пейзажа и символике Дона в романе-эпопее. Москва: Современник. (С. 145–182).
2. Бритиков, А. Ф. (1964). Мастерство Михаила Шолохова: Пейзаж как средство раскрытия психологии героев и народной судьбы. Москва: Наука. (С. 210–245).
3. Ермолаев, Г. С. (2000). Михаил Шолохов и его творчество: Историческая правда и символизм «Черного солнца» в финале романа. Санкт-Петербург: Академический проект. (С. 340–375).
4. Семенова, С. Г. (2001). Мимир Шолохова: Философия жизни и смерти, человека и природы в зеркале Гражданской войны. Москва: Советский писатель. (С. 140–185).
5. Хватов, А. И. (1975). Художественное единство «Тихого Дона»: Роль пейзажа в композиции романа и судьбе Григория Мелехова. Ленинград: Советский писатель. (С. 225–260).
6. Якименко, Л. Г. (1977). Поэтика Михаила Шолохова: Традиции эпического повествования и роль природного фона в романе-эпопее. Москва: Советский писатель. (С. 312–350).